

«Поэты ведь не умирают, но лишь отсутствуют»

Моей новелле — 2003 — 8 дек — с. 25

роховатости языка — так карточный игрок-виртуоз кожей пальцев испытывает карту и провидит исход игры. Поэт провидит поэзию. «Поэзия — нереалистическое искусство и

В «Поэзии» Савелий Гринберг пишет о Пушкине: «Звукально смысловая, структурально проникающая озвученность мысли клавиши инструментовки слов». Нет причин не отнести эти строки к самому автору.

Для Гринберга «Каждый человек — отдельная раса», и важно для него, что «страна всегда смутное время» и что будет, если погаснет «солнцезвездь». Грозит ли миру «страшарт»?

Уже придуманы и поп-арт, и соц-арт, а как искусство осмысливает Вертепбург?

Смерть поэтопророка — «не умираю, но гибкая гибель и повторяющееся из стихотворения в стихотво-

рение поэтопророчество: «поэты ведь не умирают, но лишь отсутствуют», «их нет, но они всегда здесь»... Созвучно Маяковскому.

Не менее важна для Савелия Гринберга тема «Россия и русский язык». Наверное, «страшарт» и зарождается, когда «Россия стала воевать против своего языка», тогда и начинается «схватка речеязыка с самим собой».

Почти тридцать лет поэт прожил в Израиле, он перевел множество израильских поэтов — Давида Авидана, Зельду, Иону Волах, Меера Везельтира и других близких ему по духу, хорошо знал и любил «Израиландию». Юмор, нежность, понима-

ние — все в его стихах. «Пес семит пессимист», «Израиль розарий», «Израиль парабол».

«Подзвездный Детствостан» — страна поэзия, где «речеязык» сверкает, удивляет, отражает в зеркале неологизмов свое коренное, исконное, рефлексивное, свивая префиксы и аффиксы, жонглирует ударами.

И вот перед читателем «палиндро-лаборатория».

Интересно, что в культурном пространстве Москвы 2003 года встретились две книги, щедро населенные «палиндромствующими лицами» (С. Гринберг) — это «Алмазный фонд» (Три ДООСа), где виртуозно играют словами Андрей Вознесенский, Константин Кедров, Елена Кацуба и «Онегостишия и Онгсты» Савелия Гринберга.

Андрей Вознесенский и Савелий Гринберг и вне «палиндро-лабораторий» находили общий «речеязык».

«Я ПАЛИНДРОМ СЕБЕ ВОЗДВИГ НЕТРИКОТВОРНЫЙ»

«Медея, едем», «Чар врач», «прими и мир прими» («Нет, не нам мир имманентен»).

Поэт ведь всегда в полете, он «добирается до себя», все «дальше в звездность» из 30-х в 90-е, в 2000-е, находит себя «в другом отдельном измерении», осознает, что в «планетопии напором голый диалог», и поэтому так щемяще звучат вроде бы классические строки: «Лети свободно под Ламаншем под сутолокой путь пробит».

Поэт «над», поэт «под» стихией, стихами, строчками, рифмами. Параллельно?

Без рисунков Савелия Гринберга, таких же ироничных и мудрых, как его улыбка, книга была бы беднее, без фотографий — сдержаннее, но в ней присутствует дух поэта, рожденного в год, когда пришел «настоящий двадцатый век», и покинувшего его в третий год третьего тысячелетия.

Наталья СТЕРКИНА

презентация

На пятой Международной ярмарке «non/fiction» была представлена книга «Онегостишия и Онгсты» («Водолей Publishers», 2003) недавно скончавшегося в Израиле последнего футуриста **Савелия ГРИНБЕРГА**.

Имя Савелия Гринберга в памяти современников связано с Маяковским — он был его последователем, членом Бригады поэта, сотрудником музея Маяковского. Любовь к поэту Савелий Гринберг пронес через всю жизнь. Не так давно (посмертно) вышла его книга «Посвящается В.В. Маяковскому».

«Со смертью Савелия Гринберга кончился русский футуризм», — подвел итог прижизненного творческого пути поэта известный московский писатель и переводчик Евгений Витковский.

«Онегостишия и Онгсты» — книга- послание в будущее, книга, высвечивающая прошлое.

Имеет смысл начинать читать ее с конца — с биографического очерка Элеоноры Вертоградской, ибо это напутствие всем, вступающим в Детствостан, Огнебург, Вертепбург, Израиландию, открывающим «Московские Дневниковинки», заглядывающим в Поэзиию.

Пристально вглядываться, внимательно вслушиваться, чувствовать все зазубринки слова, все ше-

долго добираться до самой себя» (из последней записной книжки, осень 2002 г.) — этой фразой открывается сборник стихов Савелия Гринберга. Нельзя не оценить вкус, интуицию и внимание к поэзии составителя сборника, ей удалось стать лоцманом и повести читателя в глубь творчества поэта.

Существует парапсихология, значит, возможна паралингвистика, парапоэзия.

Нет знаков препинания — нет преград для пути поэзии. Провидится, прочувствуется поэтом суть; фраза — вспышка откровения, слово — блеснувшая мысль.

У поэта нет потребности в последовательном изложении, нет потребности даже в непоследовательном изложении, хотя, бесспорно, он любит монтаж, но, видимо, также парамонтаж, ибо не устраивает его, что «кино вечно тыкается в любую фавулу, лишь бы отсюжетить».

